

Тахо-Годи, А.А. Данаиды // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 349.

Summary. Author's artistic discourse has axiological-meaning basis for naming, therefore discursive naming is determined by discursive and cognitive factors, which are generated by synergetic process of meaning-making.

Key words: meaning-making, artistic discourse, discursive naming, cognitive structure.

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ФОНОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА
В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖУЛИАНА БАРНСА)**

О.В. Дехнич, О.Н. Ярыгина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
dekhnich@bsu.edu.ru, yarygina@bsu.edu.ru

Как известно, адекватное декодирование авторского дискурса языка оригинала, а, следовательно, успешная двуязычная коммуникация, обусловлены совпадением одинаковых фоновых знаний / информации у реципиентов произведений оригинала и их переводов. Цель данной статьи заключается в рассмотрении некоторых видов фоновой информации, а также в выявлении их функций при интерпретации авторского дискурса Джулиана Барнса в процессе перевода фразеологических единиц метафорического характера с английского на русский язык. Иллюстративным материалом исследования послужили оригинальные романы одного из самых ярких прозаиков современной Британии, лауреата Букеровской премии Джулиана Барнса «Пульс», «Предчувствие конца» и их переводы на русский язык, выполненные Е. С. Петровой.

Вслед за Н. Ф. Алефиренко, понятие «дискурс» – это «субъективное речемыслительное отражение в нашем сознании картины мира» (Алефиренко 2013: 5). Как известно, внеязыковые категории, такие как события жизни, знание окружающего мира, ценностные установки, а также мнения отдельных личностей, сосуществуют с речевыми высказываниями и, более того, данные категории формируются и эксплицируются с помощью языка и речи. Следовательно, дискурс выступает как «процесс, среда и условие порождения текста»; результатом дискурса является текст, который, в свою очередь, формируется на основе языка. В свете вышесказанного, термин «авторский дискурс» понимается как высказывание автора, репрезентированное в тексте в прямой или завуалированной форме. Предложенная за основу обозначения авторской коммуникативной интенции дефиниция «авторский дискурс» ориентирует на исследование эксплицитных и имплицитных форм авторского присутствия в тексте Барнса и перевода его произведений на русский язык.

В понимании Н. Ф. Алефиренко, внешнее содержание номинативных единиц языка детерминировано их внеязыковыми связями и отношениями, порождающими основные протосемантические категории – универсально-предметный код (УПК), предметный остов, концепт и внутреннюю форму слова. Под универсально-предметным кодом дефинируется «первая когнитивная структура, уже во внутренней речи закладывающая мыслительный базис языковой семантики». Согласно ученому, в его основании лежит достаточно информативное содержание, формирующееся в процессе осмысления и обобщения денотативной ситуации (Алефиренко 2009: 7). Совпадение УПК рассматриваемых фразеологических единиц в анализируемых работах, как представляется, является одним из краеугольных составляющих для осуществления адекватной интерпретации фоновой информации при переводе английских фразеологизмов на язык перевода.

Понятие «фоновая информация» неразрывно связано с определением «фоновые знания», под которым понимаются «общие для участников коммуникативного акта знания» (Верещагин, Костомаров 2005: 126). Однако в данной работе представляется более целесообразным оперировать термином «фоновая информация», который коррелируется с сугубо национальным тезаурусом и, безусловно, с понятием фоновых знаний, но по сравнению с последним представляется более узким и соответствующим проблематике статьи.

Так, по определению В. С. Виноградова, «фоновая информация» может быть определена как «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» (Виноградов 2001: 35).

Вслед за учеными Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, которые подразделяют фоновые знания на актуальные и исторические, проиллюстрируем в представленной работе явление исторической фоновой информации. Приведем отрывок из произведения Джулиана Барнса «Предчувствие конца»:

*Masters and parents used to remind us irritatingly that they too had once been young, and so could speak with authority. It's just a phase, they would insist. You'll grow out of it; life will teach you reality and realism. But back then we declined to acknowledge that they had ever been anything like us, and we knew that **we grasped life – and truth, and morality, and art** – far more clearly than our compromised elders. 'Finn, you've been quiet. **You started this ball rolling.** You are, as it were, **our Serbian gunman.**' Hunt paused to let the allusion take effect (Barnes 2012: 11).*

Учителя и родители не уставали нам внушать, что они тоже когда-то были молоды, а потому знают, что говорят. Это всего лишь некий этап, твердили они. Вы его перерастете; жизнь покажет вам, что такое реализм и реалистичность. Но в то время у нас не укладывалось в голове, что они когда-то могли быть похожи

на нас, и мы не сомневались, **что понимаем жизнь – а также истину, мораль, искусство** – куда правильнее, чем старшее поколение, запятнавшее себя компромиссами. – Финн, что-то вас сегодня не слышно. **Вы же сами запустили этот снежный ком. Стали, так сказать, нашим сербским террористом.** – Хант помолчал, чтобы аллюзия внедрилась в умы (Барнс 2013: 19).

В данном примере молчаливого собеседника Финна, затронувшего философски направленный разговор о проблеме «отцов и детей», автор иронично сравнивает с сербским террористом (*our Serbian gunman*) Гаврило Принципом, который 28 июня 1914 года убил в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, что послужило поводом к развязыванию разрушительной Первой мировой войны и ее многомиллионным жертвам. Для более успешной актуализации данной исторической фоновой информации Барнс использует фразеологическую единицу метафорического характера *start the ball rolling* ‘сделать первый шаг, положить начало, начать действовать’ (Кунин 1984: 63), а также метафорическое словосочетание *we grasped life – and truth, and morality, and art*. Раскрытие данной аллюзии на сербского террориста за счет использования таких образных средств помогают читателю-реципиенту в полной мере почувствовать настроение автора, которым он наделяет Хана, его ироничное отношение к Финну, а также желание произвести впечатление на всех собеседников своей эрудированностью. Обладание последним качеством целевой русскоязычной аудиторией представляется необходимым условием для адекватной интерпретации данного отрывка. Для устранения возможных лакун переводчику следовало бы дать сноску с разъяснением данной фразы, краткую историческую справку об упоминающемся событии.

Приведенный выше пример исторической фоновой информации наглядно подтверждает ее тесную связь с более широким и многозначным определением имплицитной информации. По мнению ученых, имплицитные сведения содержатся и в так называемом вертикальном контексте, обычными категориями которого являются цитаты, символы, реалии, аллюзии, идиомы, и т. д. Слова-реалии и фразеологизмы – это те языковые единицы, которые по природе своей связаны с фоновой информацией. И. В. Гюббеннет описывает инвентарь речевых ситуаций, требующих социологической оценки. Он подтверждает тезис об объективном характере имплицитной информации, зафиксированной в языке (Гюббеннет 1981: 81). Национальный компонент находит свое отражение в наименованиях некоторых черт внешности, характера и поведения людей, их одежды, окружающей природы, животных, средств передвижения, видов досуга, произведений искусства и литературы и в других подобных названиях.

Кроме того, вертикальный контекст может целиком зависеть от воли отправителя речи, формирующего текст таким образом, чтобы в нем содержался намек на какой-либо языковой, литературный, соци-

альный и т. п. факт, отсылка к вторичному тексту и вторичной ситуации. Характерным приемом реализации подобного вертикального контекста является аллюзия. Первое употребление термина «аллюзия» в филологическом значении ‘смысловая игра’ приписывается римскому политику и ученому Флавию Кассиодору (ок. 487 – 580), который использует термин «метафорическая аллюзия» (Cassiodorus 1991: 86). И. С. Христенко определяет аллюзию как стилистическую фигуру «преференциального характера, где в качестве денотатов выступают две ситуации: референтная ситуация, выраженная в поверхностной структуре текста и подразумеваемая ситуация, содержащаяся в совокупности общих фоновых знаний адресанта и адресата» (Христенко 1993: 7). Индикаторы аллюзии могут соотноситься как с филологической информацией (филологический вертикальный контекст), так и с реальной действительностью прошлого или настоящего (социальный или событийный вертикальный контекст).

Проиллюстрируем аллюзию из произведения анализируемого автора «Пульс», которая основывается на прототексте (тексты произведений отечественной и зарубежной литературы, мифологические и фольклорные источники, пословицы, поговорки, афоризмы, различные цитаты):

*‘That reminds me, I had to see a proctologist once, and he told me one way to check my condition – whatever it was, I deliberately forget – was to squat down over a mirror on the floor. Somehow, I thought I’d rather risk whatever it was I might be getting.’ ‘Doubtless some of you are wondering why I raised the subject.’ ‘It’s because you get potty-mouthed with booze.’ ‘A sufficient’ but not a necessary condition. No, you see, I did my first test last Thursday, and I was just about to do the next one the next day until I realised. Friday the 13th. Not an auspicious day. So ii did it on the Saturday instead.’ ‘But that was – ’ ‘Exactly. St Valentine’s Day. **Love me, love my colon.**’ (Barnes 2011: 51).*

– А мне, к слову сказать, однажды пришлось обратиться к проктологу, и он объяснил, что для проверки своего состояния – что это было за состояние, я лучше умолчу – необходимо положить на пол зеркало и присесть над ним на корточки. Но я решил, что лучше плюнуть на свое здоровье, чем так извращаться. – Наверняка вы спросите, почему я затронул эту тему. – Да потому, что ты напился и тебя понесло. – Не спорю, это необходимое условие – но не достаточное. Так вот, объясняю: первый образчик материала я взял в прошлый четверг, а второй запланировал на следующий день, но потом вспомнил: это ведь пятница тринадцатое. Не совсем подходящий день. Поэтому я собрал его в субботу. – Но это же был... – Именно. День святого Валентина. **Любишь мужчину в соку – люби его прямую кишку** (Барнс 2012: 71-72).

В приведенном выше отрывке за счет использования индивидуально-авторской трансформации *love me, love my colon* писатель обыгрывает давно известный широкому кругу читателей и связанный

с любовью британцев к домашним питомцам афоризм *love me, love my dog* 'любишь меня, люби и мою собаку; всё со мной связанное'. Описывая деликатную ситуацию, связанную с посещением одного из героев проктолога в день Святого Валентина, автор стремится погрузить читателя в мир, где царит хорошее чувство юмора и самоирония. Знание фоновой информации – ФЕ-инварианта *love me, love my dog* – подготавливает разносторонне развитого читателя к сенситивному восприятию эмоций своего героя. Нельзя не отметить креативный подход переводчика-создателя русской версии произведения, его художественно-эстетический вклад в интерпретирование современного прочтения задумки автора оригинала.

Проанализированный нами эмпирический материал, эксплицирующий примеры использования некоторых видов фоновой информации в произведениях Джулиана Барнса, позволяет прийти к заключению о том, что они (данные виды фоновой информации) являются основой взаимопонимания коммуникантов, а также необходимы в процессе интерпретации авторского дискурса читателем-реципиентом, так как не любое текстовое образование может быть адекватно декодировано целевой аудиторией при отсутствии у нее необходимых фоновых знаний. Очевидно, что метафорические фразеологизмы, использованные в работе, носят антропоцентрический характер, а, как утверждает Н. Ф. Алефиренко, антропоцентрический характер мировосприятия непосредственно связан с языком, в частности с единицами косвенной номинации (Алефиренко, Аглеев 2013: 31), что еще раз доказывает важность исследуемой проблематики в процессе «прочтения» авторских интенций как оригинала, так и перевода, посредством декодирования фоновой информации. Следует также подчеркнуть, что только воспроизведением всего идейно-художественного содержания подлинника можно сохранить в переводе его национальную сущность.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2013. 232 с.

Алефиренко, Н.Ф. Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 7. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. 448 с.

Барнс, Дж. История сотворения мира в 10 ½ главах (Эл. ресурс). Режим доступа: http://royallib.ru/book/barns_dgulian/istoriya_mira_v_10_5_glavah.html // Пер. Петрова Е. (дата обращения: 07.10.2015).

Барнс, Дж. Предчувствие конца / Джулиан Барнс; (пер. с англ. Е. Петровой). – М.: Эксмо, 2013. 224 с.

Барнс, Дж. Пульс / Джулиан Барнс; (пер. с англ. Е. Петровой). – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. 304 с.

Верецагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. 1038 с.

Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Гюббенет, И.В. К проблеме понимания литературного текста (на английском материале). – М. 1981. 108 с.

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. 520 с.

Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. Яз., 1984. 944 с.

Христенко, И.С. Лингвистические особенности аллюзии как средства создания подтекста (на материале М. де Сервантеса «Дон Кихот» и произведений Б. Переса Гальдоса). Автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05. – Москва, 1993. 25 с.

Barnes, J. A History of the world in 10 1/2 Chapters. London, Vintage books, 2009. 297 p.

Barnes, J. Pulse. London, Vintage books, 2011. 225 p.

Barnes, J. The sense of an ending. London, Vintage books, 2012. 150 p.

Cassiodorus, F. Explanation of the Psalms. New Jersey, 1991. 316 p.

Summary. The paper under study dwells upon the significance of background information while interpreting metaphorical phraseological units in art author's discourse. The most currently occurred types of background information are specified and analysed.

Key words: phraseological unit, discourse, author's discourse, background information, historical background information, implication, metaphorical allusion.

СТОМАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Свиридова, М.М. Русакова

Россия, г. Челябинск, Челябинский государственный педагогический университет
sviridovaav2@cspu.ru

Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный медицинский университет
mmrusakova@yandex.ru

Когнитивное терминоведение, определяющее роль терминов в научном познании и мышлении, исследует сферу профессиональной деятельности неразрывно связанную с языком профессиональной коммуникации. Объектами когнитивного терминоведения становятся динамично развивающиеся терминологии различных сфер профессиональной деятельности, таких как нанотехнологии, медицина, экономика, реклама, спорт и другие. По мнению М.Н. Лату, «принадлежность терминологии картине мира характеризует каждую терминосистему как открытую лексическую подсистему языка, способную изменяться, а также являться базой для развития новых терминосистем в ходе научных исследований. Такая концепция полностью исключает существование и функционирование закрытых терминосистем, стоящих обособленно от научной картины мира» (Лату 2008: 251).

Язык медицины представляет обширную иерархическую макро-систему, формирующуюся посредством страт множества частных микросистем терминов (анатомической, патофизиологической, терапевтической, хирургической, стоматологической, педиатрической, фар-